

В ресторане повисла тяжелая, почти осязаемая тишина. Лица обоих слушателей в этот миг стоило видеть — на них отразилась поистине неопишуемая гамма чувств.

Хэ И же, проявив редкую предупредительность, поспешил мягко расставить все точки над «i»:

— В свое время я преднамеренно пытался разрушить отношения господина Хэ с его молодым человеком. К счастью, господин Хэ выказал редкое благородство и твердость духа, так что до конца довести мой коварный замысел мне не удалось. Разумеется, сейчас я глубоко осознаю свою ошибку.

Он говорил с мягкой улыбкой, плавно и неторопливо, будто рассказывал занимательную житейскую историю, а не признавался в былых интригах.

Чжоу Юнь слушал его, буквально онемев от изумления.

— Премного благодарен за этот вечер, господин Чжоу. Ваша симпатия глубоко льстит мне, и этот ужин принес мне искреннее удовольствие, — Хэ И вежливо кивнул опешившему собеседнику. Затем он достал из сумки несколько купюр разного достоинства и аккуратно подтолкнул их к мужчине: — Здесь моя доля. Спасибо за компанию.

Договорив, он поднялся со своего места, собираясь уйти — легко и непринужденно, как герой, который сделал свое дело и скрывается в ночи.

Но Хэ Яньчжэнь не собирался облегчать ему задачу.

— Ты за все эти годы ни разу даже не звякнул домой. Совсем совесть растерял? Или собаки сожрали?

Хэ И замер. Даже в его силуэте проступила неловкость.

Яньчжэнь язвительно хмыкнул и нанес сокрушительный удар:

— Учитель Лян больна.

Учитель Лян была матерью Хэ Яньчжэня. И той самой женщиной, что когда-то буквально подобрала Хэ И и стала ему второй матерью.

Когда он только поступил в Университет А, все его нехитрые сбережения до последнего гроша ушли на оплату учебы и общежития. Парень остался практически без средств к существованию и долгое время жил впроголодь.

Учитель Лян работала в библиотеке медицинского факультета. Одно время она часто замечала худощавого, изможденного юношу, который забивался в дальние углы коридоров и торопливо жевал сухие паровые булочки. Пожалев паренька, она решила осторожно разузнать о его судьбе.

Оказалось, сирота: родители давно развелись, мать умерла, денег катастрофически не хватало. Ровесник ее собственного Яньчжэня, но пошел в школу раньше времени, а потому учился курсом старше.

Она расспросила преподавателей о его характере. Ни у кого из них Хэ И в памяти особо не отложился — все в один голос называли его просто прилежным. Впрочем, в Университете А все, кто не хватал звезд с неба благодаря врожденной гениальности, выбивались в люди исключительно за счет прилежания.

Учитель Лян мысленно вздохнула.

«Этот мальчик явно не из тех, кто умеет расталкивать других локтями. Таким в жизни приходится особенно несладко».

Понаблюдав за ним еще несколько дней, она приняла решение и сама подошла к нему.

Так у Хэ И появилась подработка — репетиторство для Хэ Яньчжэня, который тогда учился в выпускном классе старшей школы. Занятия проходили дважды в день: в половине двенадцатого дня и в половине шестого вечера.

Поэтому каждый день сразу после занятий Хэ И садился в машину к учителю Лян, ехал к ним домой и обедал или ужинал вместе с ними. Насытившись, он принимался за уроки с Яньчжэнем, а поздно вечером, получив плату за день, возвращался в общежитие.

Кухарка в доме Хэ готовила отменно. Постепенно Хэ И перестал выглядеть истощенным, а в его карманах завелись кое-какие деньги — по крайней мере, теперь их хватало на обязательные студенческие взносы и редкие встречи с одногруппниками.

Он прекрасно понимал: на самом деле никакая помощь в учебе Яньчжэню не требовалась. Учитель Лян просто нашла деликатный способ поддержать его, не задев при этом мальчишескую гордость.

К счастью, оценки Яньчжэня тогда действительно оставляли желать лучшего, так что Хэ И, переполняемый благодарностью, выкладывался без остатка. Он умудрялся штудировать вопросы для школьных экзаменов даже на собственных профильных лекциях.

В итоге на выпускных экзаменах Хэ Яньчжэнь совершил невероятный рывок, став главной сенсацией своей школы. Он с легкостью поступил в Университет А, показав блестящий

результат — его балл оказался аж на двадцать пунктов выше, чем у самого Хэ И в свое время.

Учитель Лян и дядя Хэ были поражены. Будучи любящими родителями, они воспитывали сына в атмосфере полной свободы и не ждали от него великих академических подвигов, зная, как часто тот отлынивает от учебы. Они надеялись хотя бы на захудалый местный вуз, но неожиданно их милосердие обернулось щедрым подарком судьбы.

Дядя Хэ вне себя от радости закатил роскошный банкет в честь поступления сына. Хэ И, разумеется, пригласили как почетного гостя, чтобы выразить ему глубокую благодарность.

Много лет спустя Хэ И часто ловил себя на мысли: если бы он тогда не пошел на тот банкет, встретил бы он Ми Лу? Зародились бы в его душе те темные, постыдные помыслы? Стал бы он так отчаянно цепляться за Хэ Яньчжэня?

Тогда его долг признательности был бы выплачен сполна, и эта история завершилась бы красивой, чистой точкой.

Но жизнь не знает сослагательного наклонения.

После всего, что произошло, его чувство вины перед учителем Лян было неизмеримо сильнее, чем перед Хэ Яньчжэнем.

И последний прекрасно это знал, безжалостно используя эту уязвимость.

Но как бы то ни было, Хэ И не мог оставаться безучастным, когда дело касалось здоровья его благодетельницы. Он повернулся и тихо спросил:

— Что с ней случилось?

Хэ Яньчжэнь окинул онемевшего юриста оценивающим, полным пренебрежения взглядом и, развернувшись к выходу, бросил:

— Расскажу по дороге.

Своей машины у Хэ И не было, поэтому Яньчжэнь велел ему подождать у перекрестка.

Вскоре к обочине плавно подкатил роскошный двухцветный «Майбах». Изящные очертания кузова и хищный силуэт мгновенно приковали к себе взгляды прохожих, а пара зевак даже достала телефоны, чтобы сделать снимок.

Хэ И в нерешительности отступил на пару шагов. Темное стекло бесшумно опустилось, являя

миру безупречный, точеный профиль Хэ Яньчжэня с его резкой линией подбородка.

Проходившие мимо девчонки восторженно зашептались.

Хэ И прекрасно знал: смазливое лицо этого парня всегда умело кружить головы.

В студенческие годы, когда в Университете А по нему вздыхала половина курса, Яньчжэнь с наглым видом утверждал, будто все дело в его исключительном душевном обаянии. Но глупости все это. Когда перед глазами такая внешность, у кого хватит здравомыслия заглядывать в душу? Даже у самого Хэ И в свое время не выработался иммунитет против этой красоты.

С бесстрастным лицом он потянул за ручку задней двери и скользнул в просторный салон.

— Обалдеть, какой красавец! — восторженно пропищала стоявшая неподалеку девушка. — Прямо сцена из дорамы про богатого наследника!

— Каким бы красавцем он ни был, он всего лишь шофер, — с явной завистью возразил ее спутник, провожая взглядом Хэ И. — Видишь, кто сзади уселся? Вот он — настоящий босс. Охренеть, эксклюзивный «Майбах» за безумные деньги. Сразу видно, мажор в третьем поколении!

— Так это еще круче! — приснула девчонка. — У настоящего босса даже водители выглядят как супермодели.

Хэ И промолчал, чувствуя, как неловкость сковывает движения.

Стекло со стороны водителя все еще было приоткрыто, и доносившийся с улицы разговор отчетливо прозвучал в салоне. Хэ Яньчжэнь бросил на Хэ И выразительный взгляд через зеркало заднего вида. Весь его вид буквально выражал немой укор:

«Где твои манеры? Кто садится назад при живом водителе?»

Щеки Хэ И обдало жаром, но пересаживаться вперед он и не подумал.

Ему претила сама мысль оказаться на переднем сиденье рядом с Хэ Яньчжэнем, пусть даже это представительский лимузин, а не обычная легковушка.

Они молча вели безмолвную войну характеров несколько секунд, пока Яньчжэнь наконец не вздохнул и не нажал на педаль газа.

Хэ И негромко назвал адрес. Машина бесшумно влилась в ночной поток.

Ночной ветерок принес в приоткрытое окно едва уловимый, сладковатый аромат душистого османтуса. Хэ И попытался унять затрепетавшее сердце и заговорил первым:

— Так чем больна учитель Лян?

— Тоской, — ровно отозвался Яньчжэнь. — Ты пропал на столько лет, ни звонка, ни весточки. Она разрывалась между обидой и тревогой за тебя. А тут еще возраст дает о себе знать... Вот здоровье и пошатнулось. В этом году она совсем расклеилась, то одно заболит, то другое. А в прошлом месяце еще и упала неудачно.

— Упала?! — Хэ И мгновенно выпрямился в кресле. — Это серьезно?

Яньчжэнь вновь смерил его осуждающим взглядом через зеркало:

— А тебе не все равно? Ты же у нас человек занятой, равнодушный.

— Был бы равнодушен — ноги бы моей здесь не было!

— Мало ли, — Яньчжэнь отвернулся к дороге, его голос так и сквозил холодом. — Может, это обычные правила приличия. На глазах у своего кавалера ты просто решил сохранить лицо. Ты ведь сам меня этому учил... старший.

Хэ И промолчал.

В те годы, когда Хэ И занимался с ним, он не ограничивался сухими формулами из школьных учебников. Он часто пытался вложить в голову избалованного подростка простейшие житейские истины.

Помнится, когда Яньчжэнь демонстративно воротил нос при виде незваных гостей, Хэ И строго стучал ручкой по столу и выговаривал ему: «Даже если человек тебе неприятен, воспитанный человек никогда не покажет этого открыто. Заставлять других чувствовать себя неловко — дурной тон. Существует элементарная вежливость».

Тогда эти правила казались ему незыблемыми, выстраданными на собственном горьком опыте.

Хэ И тогда еще не понимал, что жизнь — это игра без общих правил, и каждый из них получил свой стартовый набор еще до рождения. Его скромные советы, помогавшие выживать бедняку, были совершенно бесполезны для баловня судьбы.

Но в ту пору они оба были слишком молоды, а Яньчжэнь оставался всего лишь податливым, доверчивым мальчишкой.

К тому же младший питал к своему наставнику какое-то благоговейное почтение. Этот юношеский восторг заставлял его ловить каждое слово Хэ И и следовать его указаниям беспрекословно.

И Яньчжэнь действительно слушал его. Очень внимательно.

Разумеется, иллюзии быстро рассеялись. Мальчик вырос и осознал всю бесполезность этих поучений, выработав собственные, куда более циничные законы выживания в высшем обществе.

— Учитель Лян за свою жизнь помогла многим студентам, — негромко произнес Яньчжэнь. — И знаешь, даже чужие люди находят время прислать открытку на праздники или букет ко Дню учителя. А от тебя — ни слуху ни духу. Она относилась к тебе как к родному сыну. А ты? Кем она была для тебя?

— Я всегда считал ее твоей матерью, — тихо вздохнул Хэ И, устало откидываясь на мягкую кожаную спинку кресла. — Да, я совершил подлость. Попытался встать между тобой и Ми Лу. Из-за моей глупости ваши семьи едва не разругались, а вы оба настрадались сполна. Я помню, что просил прощения. Помню, как ты кричал, что я чудовище и у меня нет сердца. Если этого мало, чтобы унять твою злость... что ж, когда машина остановится, я могу поклониться тебе еще раз.

— Ты правда думаешь, что виноват передо мной?

Хэ И покачал головой:

— Нет. Я понес заслуженную кару. Сейчас между нами нет ничего, кроме глухой неловкости.

Хэ Яньчжэнь коротко, зло усмехнулся и кивнул собственным мыслям.

Хэ И слишком хорошо знал эту манеру — Яньчжэнь был вне себя от ярости. Но поскольку этот вечер и без того вымотал ему все нервы, скрывать раздражение больше не имело смысла. Хэ И заговорил прямо и жестко:

— Слушай, Хэ Яньчжэнь. Хватит прикрываться именем своей матери, чтобы читать мне нотации. Перед госпожой Лян я виноват до конца своих дней, я бесконечно благодарен ей и искренне переживаю за нее. Если ты снизойдешь до того, чтобы рассказать о ее самочувствии, я буду признателен. Если же считаешь, что у меня нет на это права — останови машину. Я сойду.

Яньчжэнь глубоко, прерывисто вдохнул.

— Знаешь, старший, — процедил он сквозь зубы, — тебе действительно стоило пойти на юридический. Великий адвокат пропал.

— Намекаешь, что я горазд оправдываться? — в тон ему отозвался Хэ И. — Ты уже говорил это когда-то, я помню. Зато ты своего не упустил. Стал адвокатом — не зарыл талант в землю.

В глазах Яньчжэня что-то дрогнуло, в них промелькнула целая гамма противоречивых чувств. Там смешались глухое раздражение, затаенная горечь и какая-то беспомощная, едва заметная ирония.

Хэ И слишком хорошо помнил это выражение лица. В прежние времена, когда они еще были близки, Яньчжэнь всегда смотрел на него так, стоило Хэ И пуститься в софистику и начать упрямо отстаивать свою неправоту.

Правда, тогда за каждое подобное препирательство Яньчжэнь неизбежно требовал плату.

Воспоминания обожгли сознание. Хэ И даже знойным летом никогда не снимал рубашек с глухим воротником или плотных теннисок поло — только потому, что следы на его теле невозможно было показать посторонним.

— Она ушиблась не сильно. Сейчас отлеживается дома, идет на поправку, — нарушил молчание Яньчжэнь, отводя взгляд к лобовому стеклу. — И она правда до сих пор часто думает о тебе. Переживает, что ты держишь на нее обиду.

— Мне не за что обижаться, — Хэ И почувствовал, как к горлу подкатил горький ком, а глаза предательски защемило. Он отвернулся к окну, провожая взглядом огни ночного города, сливающиеся в непрерывную размытую полосу. — Все, что случилось тогда, я заслужил сполна.

— Хэ И...

— Надеюсь, ты больше не станешь искать встреч со мной? — неожиданно перебил его Хэ И. — Моя вина перед твоей матерью неизгладима, но я не планирую возвращаться в прошлое. Моя нынешняя жизнь меня устраивает, и я не хочу ничего менять.

Хэ Яньчжэнь промолчал, лишь крепче сжал пальцами руль.

— Останови здесь, — Хэ И приметил знакомый поворот. Как только тяжелый автомобиль замер у обочины, он торопливо выбрался наружу. Захлопнув дверцу, он заставил себя вежливо поклониться застывшему в салоне мужчине: — Прощай. Надеюсь, наши пути больше не пересекутся.

Дом, в котором он снимал скромную квартиру, находился у самого въезда в жилой комплекс. Однако Хэ И прошел мимо подъезда не задерживаясь. Ноги сами несли его в глубь двора. Сделав несколько крутых петель по тенистым аллеям, он наконец опустил на первую попавшуюся скамейку.

Внезапная встреча посреди ночной улицы выбила почву у него из-под ног.

Он, конечно, понимал, что рано или поздно судьба столкнет их лбами.

Но город S лежал более чем в тысяче километров от далекого Бэйчэна. Сферы их деятельности никак не пересекались, и Хэ И тешил себя иллюзией, что если они когда-нибудь и увидятся снова, то разве что на склоне лет. Или, по крайней мере, не раньше, чем через доброе десятилетие.

Но безжалостное время распорядилось иначе. Прошло всего пять лет.

К тому же сегодня он выглядел, мягко говоря, не лучшим образом, оказался совершенно не готов к такому разговору и вел себя... пожалуй, слишком нервно и глупо.

Обреченно вздохнув, Хэ И попытался найти в случившемся хоть какие-то плюсы. В конце концов, кое-что прояснилось.

По крайней мере, теперь он точно знал: все его скромные посылки благополучно доходили до адресата. Хозяйка цветочной лавки у кампуса честно выполняла соглашение, и каждый День учителя госпожа Лян получала свой букет. В глубине души Хэ И надеялся — а может, и точно знал, — что мудрая женщина давно догадалась, чьих рук это дело.

Вот только расстались они тогда слишком уродливо.

Из-за его коварных интриг Ми Лу пытался свести счеты с жизнью.

Семьи Ми и Хэ едва не стали кровными врагами. К счастью, старшее поколение обеих династий проявило редкое благоразумие и сумело замять скандал, сохранив теплые отношения. А Хэ Яньчжэнь без колебаний остался подле несчастного Ми Лу.

И только Хэ И в этой драме досталась незавидная роль коварного злодея, расчетливого и подлого негодяя, растоптавшего чужую любовь.

Помнятся ядовитые слова Ми Лу, которые тот нашептывал госпоже Лян: «Хэ И — это пригретая на груди змея. Коварный волк в овечьей шкуре, искусно носивший маску

праведника».

И сама госпожа Лян... В тот день на ней было то же самое нежно-бежевое шерстяное платье, в котором она впервые подошла к нему в библиотеке. Она медленно приблизилась, заглянула ему в глаза и тихо, со слезами в голосе, произнесла:

— Хэ И, если все эти годы искренней заботы привели к такому финалу... то я искренне сожалею, что когда-то решила тебе помочь.

Тогда тоже стоял День учителя. К тому моменту они с Яньчжэнем уже расстались — тихо, без взаимных упреков и лишней драмы. Хэ И приготовил подарок и бережно нес его своей благодетельнице, надеясь порадовать ее.

Но после этих слов зажатая в ладонях коробочка мгновенно показалась ему раскаленным углем.

Он стоял посреди нарядной комнаты, плотно сжав побледневшие губы, и мелко дрожал от невыносимого стыда. Когда оцепенение наконец спало, он сделал два шага назад и низко, почти до земли, склонился перед женщиной, подарившей ему путевку в жизнь:

— Простите меня, учитель Лян. Я не оправдал ваших надежд.

Он предал доверие госпожи Лян, довел до отчаяния Ми Лу, вызвал ярость у Хэ Яньчжэня... Он разрушил чужой покой, попытался разорвать чужие узы. И хотя на какое-то мгновение ему показалось, что он празднует победу, суровая реальность быстро щелкнула его по носу, доказав: мир сильных мира сего не по зубам безродному выскочке.

Он причинил боль другим, за что и поплатился сполна. Он принял эту кару и покорно выплатил свой долг.

Что же касается тех ран, которые нанесли ему самому... Хэ И предпочел никогда больше о них не говорить. Но и забывать их он не собирался. Как и прощать тех, кто их нанес.

<http://bllate.org/book/19702/1950581>